

Н. А. ГРИГОРЬЯН

К ПОЕЗДКЕ А. Ф. САМОЙЛОВА В АМЕРИКУ

Выдающийся физиолог, основатель электрофизиологии и электрокардиографии в России, ученик И. П. Павлова (1892–1894) и И. М. Сеченова (1894–1903), профессор Казанского (1903–1930) и Московского (1924–1930) университетов Александр Филиппович Самойлов был трижды командирован в США — в 1922, 1926 и 1929 гг.

Отечественная физиология была известна начиная с 60-х гг. XIX в., и этим она была обязана И. М. Сеченову, его трудам в области нейрофизиологии и физико-химической физиологии. Ученик Сеченова по Московскому университету, А. Ф. Самойлов, продолжая традиции учителя, положил начало собственной школе физико-химического направления в Казанском университете. Используя тонкие и точные методы исследования функций организма, он создал классические труды по электрофизиологии и электрокардиографии.

Долгие годы казанская лаборатория Самойлова оставалась единственной, где была налажена точная электрокардиографическая методика, работа с таким тонким инструментом, как струнный гальванометр, записывающий электрические кривые деятельности живых тканей организма, и прежде всего сердца. Со всей России в лабораторию Самойлова, как паломники в Мекку, по словам ученика Самойлова В. В. Парина, приезжали физиологи учиться электрофизиологическому методу. Но к струнному гальванометру допускались не все.

Имя Самойлова, его высокая культура и личное обаяние привлекали в провинциальную в те годы Казань известных ученых. Так, 23 ноября 1927 г. по приглашению Самойлова в Казанском медицинском обществе с докладом о цитоархитектонике коры головного мозга выступил известный немецкий ученый Оскар Фогт. В том же 1927 г. 27 ноября в Москве под руководством Фогта при деятельном участии русских неврологов Л. С. Минора и Г. И. Россолимо был открыт Институт мозга.

Примечательны слова приветствия, сказанные Самойловым О. Фогту от имени ученых Казанского университета. Самойлов говорил о роли науки и ученых в установлении дружбы и взаимопонимания между народами.

Научная истина имеет не только значение научного факта, устанавливаемого в данном конкретном случае, ей принадлежит, кроме этого, почти всегда общекультурное значение. Научная истина способна пробудить и поддерживать в человеческом духе идею общечеловеческих интересов... Движимый этим благородным стремлением, Вы, профессор Фогт, посетили нас здесь, в Казани, — в центре культуры татарского и многих

других малых народов, доставив нам столь большую радость... Своими трудами Вы показали, что все свои силы отдаете благородной цели: сближению и объединению людей на научном и культурном поприще»¹.

К самому началу 20-х гг. XX в. относятся чтение Самойловым врачам Казанского клинического института первого курса электрокардиографии (1920), создание Отдела электрокардиографии в Биофизическом институте в Москве (директор — ученик Самойлова, в то время уже академик РАН, П. П. Лаза-рев), избрание его профессором физиологии Ветеринарного института в Москве. Все это создало серьезные предпосылки для приглашения и окончательного переезда Самойлова в Москву. В 1924 г. А. Ф. Самойлов по инициативе известных ученых Московского университета, и прежде всего Н. К. Кольцова, был избран профессором физиологии Московского университета. В 1924 г. на физико-математическом факультете университета он основал первую самостоятельную кафедру физиологии. До этого физиологию для студентов медицинского и физико-математического факультетов читали на общей кафедре: хотя формально, по уставу, числились две кафедры, фактически кафедра была одна.

С 1924 г., не желая оставлять хорошо налаженную научно-исследовательскую и профессорскую деятельность в Казани (это был своего рода казанский патриотизм), Самойлов одновременно возглавлял кафедры физиологии Казанского и Московского университетов. С 1924 г. дважды в год он выезжал в Москву и читал лекции студентам естественного отделения физико-математического факультета (с 1930 г. — биологического факультета). Основным помощником Самойлова на кафедре в Москве был И. Л. Кан (1892–1942), заменивший на кафедре Самойлова после его скоропостижной смерти в 1930 г. от инфаркта.

Благодаря своему международному авторитету Самойлов был желанным работником и гостем в лабораториях Европы и Америки.

До Октябрьской революции 1917 г. Самойлов работал во многих лабораториях Германии, Австрии, Голландии; был лично знаком, переписывался и дружил со многими крупными биологами и физиологами, среди них — известный голландский физик и физиолог Виллем Эйнтховен (1860–1927), получивший Нобелевскую премию как основоположник электрокардиографии (1924). Во время своих поездок в Голландию (в лаборатории Эйнтховена в Лейдене и Р. Магнуса в Утрехте) Самойлов жил в семье Эйнтховена. Их объединяли наука и музыка. Дочь Эйнтховена играла на скрипке, Самойлов был блестящим пианистом, историком и теоретиком музыки, членом Международного музыкального общества.

После революции 1917 г. круг его знакомств и интересов был расширен поездками в США и Англию (1928). Самойлов был хорошо знаком с будущими Нобелевскими лауреатами, английскими нейрофизиологами Ч. Шеррингтоном и Э. Эдрианом.

¹ Самойлов А. Ф. Приветствие проф. О. Фогту после выступления в Казанском медицинском обществе 23 ноября 1927 г. Автограф на немецком языке. — Архив РАН. Ф. 652 (личный фонд А. Ф. Самойлова). Оп. 1. Д. 69.



А. Ф. Самойлов с сыновьями Львом и Александром. США, 1922 г. Публикуется впервые

Самойлов был первым физиологом России, посетившим США. В публикуемом «Дневнике» (27.06.1922–8.07.1922) описано его первое путешествие в Америку. Путь предстоял из Москвы через Берлин, Лейден и Роттердам. Для поездки было две важных причины. Первая, и очень личная: с 1918 г. сыновья Самойлова, близнецы Александр (1902–1976) и Лев (1902–1987), жили в Америке. В 1918 г. Самойлов отправил их в Америку, к родственникам жены, Анны Александровны Самойловой (девичья фамилия Бари, 1876–1948), чтобы они получили высшее образование в спокойной обстановке. (Александр и Лев Самойловы блестяще окончили Гарвард и стали хорошими инженерами. Во время Великой Отечественной войны они помогали Советскому Союзу.) Самойлов очень хотел повидаться с сыновьями. Вторая причина состояла в желании ознакомиться с деятельностью Рокфеллеровского института медицинских исследований.

Предыстория первой поездки Самойлова в Америку такова. 12 ноября 1921 г. Эйнтховен (первое знакомство которого с Самойловым состоялось в 1904 г. на VI Международном физиологическом конгрессе в Брюсселе) писал Самойлову: «Общество научных лекций Лейденского университета прислало Вам официальное приглашение в начале 1922 г. приехать и прочитать одну или несколько лекций по физиологии. Гонорар 400 гульденов»². Дальнейшее развитие событий описано в письмах родного брата А. Ф. Самойлова Якова Владимировича Самойлова (1870–1925) — известного биогеохимика, ученика В. И. Вернадского, профессора Московской сельскохозяйственной академии и Московского университета. Оформлением бумаг для командиров-

² Архив РАН. Ф. 652. Оп. 3. Д. 1.

ки брата занимался именно Я. В. Самойлов. Голландские друзья Самойлова сумели получить для А. Ф. Самойлова приглашение из Рокфеллеровского института, и он, после курса лекций в Лейдене, 27 июня отправился на пароходе «Нордам» в Америку.

В Рокфеллеровском институте Самойлов сблизился с известным ученым, основоположником физико-химической биологии Жаком Лебом. Жак Леб говорил Самойлову: «Когда русский ученый делает теперь при вашей бедности научное исследование, то он является не просто ученым работником, а является гражданином, выполняющим свой гражданский долг и по-своему выводящим свое отечество к лучшему будущему»³. Памяти Жака Леба Самойлов в 1924 г. посвятил статью⁴.

В Рокфеллеровском институте Самойлов убедился в правоте своей точки зрения относительно того, что клиника должна быть органически связана с теоретическими лабораториями. Этот принцип был осуществлен в Казанском клиническом институте, в котором Самойлов основал электрокардиологическое отделение, тем самым внедрив в клинические больницы сугубо теоретические лаборатории и чистых теоретиков — физиологов, биохимиков, фармакологов и т. д.

Во время пребывания в Америке в 1922 г. Самойлов встречался с С. Рахманиновым. Они были давно знакомы. Дело в том, что в 1902 г. при Московской консерватории Самойлов организовал научно-музыкальный кружок, читал лекции по истории и теории музыки, среди его слушателей был и Рахманинов.

Первое посещение Америки значительно расширило возможности международного научного сотрудничества. Самойлов установил личные и дружеские связи с американскими физиологами и клиницистами, связи между казанской физиологической школой и медицинской школой Гарвардского университета. В 1926 г. по приглашению Пола Уайта, основателя Гарвардской медицинской школы (будущего президента Международного кардиологического общества и личного врача президента Дуайта Эйзенхауэра), Самойлов прочитал курс электрокардиографии в Гарварде. В письме на имя наркома здравоохранения Н. А. Семашко Уайт писал:

Сэр, профессор Самойлов провел в сентябре в г. Бостоне лекции по электрокардиографии и беседы с докторами и студентами в Гарвардской университетской медицинской школе в Массачусетском центральном госпитале, которые принесли им большую пользу. Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вам, как высоко мы ценим его посещение нас в Америке. Он один из величайших ученых мира в настоящее время, и мы были бы счастливы снова видеть его у нас, если представится возможность. Уважающий Вас П. Уайт»⁵. В своих воспоминаниях о Самойлове

³ Самойлов А. Ф. Избранные статьи и речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 90.

⁴ Самойлов А. Ф. Механические воззрения на жизненные процессы // А. Ф. Самойлов. Избранные статьи и речи. С. 70–90.

⁵ Цит. по: Григорьян Н. А. Александр Филиппович Самойлов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 52.



А. Ф. Самойлов (слева) и Пол Уйт. США, 1926 г.

П. Уйт писал: «Первые достижения Самойлова заложили основу блестящей работы по электрокардиографии, как экспериментальной, так и клинической... Много в работе, которую мы проводили в области клинической электрокардиографии в нашей стране, базируется на фундаментальных исследованиях пионеров физиологии, к числу которых принадлежит и знаменитый профессор Александр Филиппович Самойлов»⁶. Уйт называет Самойлова одним из своих учителей⁷.

Известный американский физиолог и историк физиологии Джон Фултон писал:

Имеется много выдающихся личностей среди русских физиологов — Сеченов, Введенский, Бубнов, Павлов и другие, но ни один из них не внушал такой глубокой любви, как Александр Самойлов из Казани. Живой, самобытный человек, готовый как учить, так и учиться у других, Самойлов может служить образцом дружбы между народами, в которую он так

⁶ Архив РАН. Ф. 652. Оп. 3. Д. 6.

⁷ White P. D. My Acquaintance with Samojloff. — Архив РАН. Ф. 652. Оп. 3. Д. 6.



А. Ф. Самойлов (первый справа в нижнем ряду) в Физиологическом отделе Института экспериментальной медицины у И. П. Павлова. Петербург, 1893 г.

верил. Он утверждал, что Советский Союз и США разделены не только языковыми барьерами: ощущается и недостаток в доверии и взаимопонимании, и Самойлов делал все, что было в его власти, для сближения между нашими двумя странами. Он приехал к нам уже хорошо известным профессором выдающегося университета и сделал очень много для установления обмена между двумя странами ⁸.

Третий раз Самойлов посетил Америку в 1929 г. как участник XIII Международного физиологического конгресса в Бостоне.

В свете вышесказанного уместно напомнить, что Самойлов и Павлов (впервые посетивший США в 1923 г.) имели возможность после октября 1917 г. работать за рубежом. Но, как свидетельствует письмо Ф. А. Левина, заведующего Биохимическим отделом Рокфеллеровского института в Нью-Йорке ⁹, ни Павлову, ни Самойлову не нравился американский образ жизни — чрезвычайно ускоренный темп, погоня за долларами. 11 января 1926 г. Левин писал Самойлову:

⁸ *Fulton J.* Some recollections of Alexander Samojloff. — Архив РАН. Ф. 652. Оп. 3. Д. 7.

⁹ Ф. А. Левин (1869–1940) в 90-х гг. XIX в. учился у И. П. Павлова в Военно-медицинской академии в Петербурге. С 1907 г. руководил отделом в Рокфеллеровском институте. Во время своего пребывания в Америке (1923, 1929) Павлов бывал в гостях у Левина, переписывался с ним. См.: Переписка И. П. Павлова. Л.: Наука, 1970. С. 291–292.

Если те слухи, которые до нас доходят, о положении дел в России правильны, то я думаю, что Вы рады, что не остались в Америке.

Странно, что, кроме Павлова, Вы были единственным, кто действительно не был прельщен условиями американской жизни. Большинство других, бывавших здесь, были бы рады остаться здесь навсегда.

Я был очень рад Вашим отпискам. По ним я вижу, что Вы работаете сильно и плодотворно, и я этому несказанно рад ¹⁰.

Как свидетельствует «Дневник», А. Ф. Самойлов был литературно одарен. Прекрасным литературным языком отличаются как его научные труды, так и лекции, речи, публичные выступления и доклады.

Касаясь стиля и красоты литературного языка брата, Я. В. Самойлов неоднократно в своих письмах говорит о нем как о «безусловно литературно одаренном человеке» — «из него мог бы выйти хороший писатель» ¹¹.

Как свидетельствуют письма Я. В. Самойлова, литературным творчеством А. Ф. Самойлов занимался между прочим, это было для него своего рода досугом — «хобби». Занятие литературой служило для него отдыхом от напряженной лабораторной работы.

В семье Я. В. Самойлова литературные произведения А. Ф. читали с удовольствием. Так, 28 марта 1920 г. в письме брату Я. В. Самойлов писал: «Очень прошу тебя не зарывать своего таланта». «Новое твоё драматическое творение “Смерть последнего натуралиста XIX в., или Догадливый фармацевт” — превосходно», — читаем в его письме от 24 мая 1920 г. 8 мая 1923 г. по прочтении знаменитого письма А. Ф., адресованного гальванометру, Я. В. писал: «И это письмо, и другие говорят о том, что, несомненно, ты человек с литературным дарованием, и я совершенно не понимаю, почему ты губишь свой талант и не развиваешь его далее» ¹².

Нам остается лишь глубоко сожалеть о том, что до нас не дошло ни одно литературное произведение А. Ф. Самойлова, кроме публикуемого ныне «Дневника».

* * *

Богатый личный архив А. Ф. Самойлова, содержащий рукописи неопубликованных работ (в том числе и первый курс лекций по электрокардиографии, прочитанный им в 1920–1921 гг. в Казанском клиническом институте и Биофизическом институте в Москве), переписку с отечественными и зарубежными учеными, хранился у дочерей А. Ф. Самойлова — Веры Александровны (1907–1979) и Анны Александровны (1915–1999) Самойловых. В 1956 г. он был безвозмездно передан в Архив АН СССР в Москве (ф. 652).

О ценности архива А. Ф. Самойлова писали его ученики — действительный член АМН СССР В. В. Парин и член-корреспондент АН СССР Х. С. Коштойнц. Личный архив Я. В. Самойлова, откуда нами взяты отрывки из его

¹⁰ Архив РАН. Ф. 652. Оп. 2. Д. 134.

¹¹ Из архива Я. В. Самойлова, хранящегося у внучки А. Ф. Самойлова Ю. Ф. Соколовой.

¹² Из архива Я. В. Самойлова, хранящегося у внучки А. Ф. Самойлова Ю. Ф. Соколовой.

писем к А. Ф. Самойлову, хранится у внучки А. Ф. Самойлова Юлии Федоровны Соколовой.

Автор выражает благодарность внукам А. Ф. Самойлова — Анне Федоровне Масловой и Юлии Федоровне Соколовой — за предоставление рукописи «Дневника» А. Ф. Самойлова и фотографий.

ПРЕДЫСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПОЕЗДКИ А. Ф. САМОЙЛОВА В АМЕРИКУ В ДОКУМЕНТАХ

(Выдержки из писем Я. В. Самойлова относительно
приглашения А. Ф. Самойлова в Голландию в 1922 г.)

Я. В. Самойлов — А. Ф. Самойлову из Москвы в Казань:

25 ноября 1921 г.

... Все, кому я показываю это письмо из Лейдена, находят это предложение в высшей степени лестным... Только что мне позвонил Архангельский¹³ и сообщил мне, что твоя командировка в коллегии Наркомпроса прошла и что тебе ассигнуется в дополнение к твоим гульденам 300 рублей.

16 декабря 1921 г.

Виделся и беседовал с Пепелазом¹⁴. Он сказал, что сейчас направляется к Семашко¹⁵ и расскажет ему о приглашении, которое ты получил, но он думает, что поездка за границу не удастся, так как нет надежды получить валюту.

... Он действительно отправится к Семашко, обратит его внимание на то, что вот такие заведующие имеются в Биофизическом институте. Это для Пепелаза выгодно.

... Говорил я об этом с Архангельским, и он обещал мне узнать из первоисточников, есть ли какая-нибудь надежда получить командировку из Наркомпроса.

¹³ Архангельский Андрей Дмитриевич (1879–1940) — геолог, академик (1929), профессор Московского университета, директор Геологического института АН СССР. Я. В. Самойлов близко общался с Архангельским.

¹⁴ Речь идет о Петре Петровиче Лазареве. П. П. Лазарев (1878–1942) — физик, биофизик и геофизик, академик (1917). Окончил медицинский (1901) и физико-математический (экстерном, 1903) факультеты Московского университета. Курс лекций по физиологии слушал у А. Ф. Самойлова (1903). С 1920 по 1931 гг. директор основанного им Биофизического института. В 1920 г. в институте было открыто электрокардиологическое отделение, которым заведовал А. Ф. Самойлов. (В том же 1920 г. Самойлов начал чтение курса электрокардиографии в Казанском клиническом институте.)

¹⁵ Семашко Николай Александрович (1874–1949) — организатор советского здравоохранения, первый нарком здравоохранения (1918–1930), заведующий кафедрой социальной гигиены Первого Московского медицинского института (1921–1949).

19 декабря 1921 г.

О твоей поездке Лазарев сообщил мне, что дело вполне устроено, что он говорил с Семашко, и тот соглашается на твою поездку. Теперь тебе нужно подать соответствующее заявление, а если хочешь, то Лазарев сам и подаст это заявление.

Беседовал я об этом деле и с Кольцовым¹⁶. Он говорил мне, что, пожалуй, можно было бы получить валюту чрез Ветеринарный институт¹⁷ для закупки инструментов.

... Затем я обдумывал вопрос и о том, что же ты преподнесешь в Лейдене на лекции. Ведь, можно сказать, аудитория — изысканная!

Можно изложить то, что связано с твоими работами, затем в другой лекции — изложить то, что связано с Россией. Говорю пока это в очень общей форме, исходя из мысли, что ученый, приехавший из России, должен в настоящее время возбуждать к себе некоторый специальный экзотический интерес.

Нельзя ли было бы чрез добрых голландских коллег получить какое-либо приглашение прочесть что бы то ни было в Америке. Это было бы в высокой степени кстати.

21 декабря 1921 г.

Только что получил письмо Вавилова¹⁸, адресованное Прянишникову¹⁹. Вавилов — молодой профессор, очень разумный и очень талантливый, бывший мой слушатель. Он был командирован в Америку [для участия в Международном конгрессе фитопатологов, август 1921 г., Нью-Йорк], где провел около 3-х месяцев. Теперь он вернулся в Европу и из Англии написал письмо Прянишникову.

Когда Вавилов уезжал в Америку, я не имел возможности с ним повидаться, поэтому я написал ему письмо и просил его, когда он будет в Нью-Йорке, повидаться с мальчиками.

Теперь в письме Вавилова из Лондона от 21/XI значится следующее: «Передайте Якову Владимировичу Самойлову, что его племянников видел, временно поступили для практики на завод Зингера по желанию дяди. Выглядят молодцами.

Настроены бодро, критикуют Америку. В университете и профессора и студенты о них отзывались самым лучшим образом. Провел с ними целый вечер. Имеют твердое желание кончить университет в Америке». Когда Вавилов вер-

¹⁶ Кольцов Николай Константинович (1872–1940) — основоположник экспериментальной биологии и московской школы генетиков. В 1917 г. основал в Москве Институт экспериментальной биологии. Переписывался с А. Ф. Самойловым. По его инициативе А. Ф. Самойлов был избран профессором физиологии Ветеринарного института (1921), а затем и Московского университета (1924).

¹⁷ Московский ветеринарный институт основан в 1919 г.

¹⁸ Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — генетик, растениевод, создатель научных основ селекции растений, учения о мировых центрах происхождения культурных растений.

¹⁹ Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) — агрохимик, биохимик и физиолог растений, академик АН СССР (1929), академик ВАСХНИЛ (1935), учитель Н. И. Вавилова

нется в Россию и будет в Москве (он теперь живет в Петрограде), то можно будет побеседовать с ним поподробнее. Пока же и это сообщение показалось мне достаточно интересным, почему я привел его дословно.

Вероятно, и мальчики сообщат что-нибудь об этом эпизоде, раз они провели вечер вместе. Приятно, что они выглядят молодцами. Очень меня заинтересовало также то, что они критикуют Америку.

...В Наркомпросе отнеслись к твоей командировке с большим интересом и постановили — на этих же днях поставить вопрос о твоей командировке на обсуждении Коллегии Наркомпроса. Интересно, как выскажется об этом коллегия.

31 декабря 1921 г.

...Надо, чтобы от Татсовнаркома последовало ходатайство о командировке в центр, и естественно, чтобы это ходатайство было направлено в Наркомпрос. Теперь могут сообщить тебе, твоя командировка в Голландию уже решена на два месяца с выдачей 250 руб. Они учли 400 голландских гульденов... Лицо, через которое велось это дело, — Иван Иванович Гливенко (бывший ректор Харьковского университета), заседающий в Академическом центре, сказал мне, что ты официально можешь сказать, что твоя командировка в центре предрешена в положительном смысле, и ходатайство Татреспублики встретит, следовательно, полное сочувствие.

21 января 1922 г.

... Удивляюсь я голландцам чрезвычайно. Ведь все, что ты сообщаешь о содержании письма Einthoven'a ²⁰, — поразительно. Я еще привык думать, что Hamburger ²¹ — добряк по натуре, но Einthoven'a я привык мыслить как сухого и холодного человека, откуда же у него столько внимания и уважения, я это оставляю уже в сторону, а откуда столько чувства?

Мне кажется, что такие комбинации происходят не часто, поэтому будем прославлять моральную сторону этого дела, но вместе с тем мы имеем право видеть в этом высокое признание заслуг со стороны весьма авторитетных людей.

... Не могу не удивляться и нашему Наркомпросу. Довольно своевременно сообщает Казанскому университету о состоявшейся командировке, дело — вовсе не из вполне обычных.

²⁰ В. Эйнтховен (1860–1927) — профессор физиологии и гистологии Лейденского университета. Сконструировал струнный гальванометр для записи электрических кривых сердца (электрокардиограммы), внедрил этот метод в клиники и больницы. Лауреат Нобелевской премии (1924).

²¹ Х. Гамбургер (Hartag Hamburger, 1859–1924) — профессор физиологии в Гронингене. Физико-химические исследования Гамбургера были посвящены изучению проницаемости, гидролиза и фагоцитоза. Друг А. Ф. Самойлова. В письме Самойлову из Гронингена 23 января 1913 г. писал: «Много раз здесь, в Голландии, я слышал от тех, кто вполне имеет право высказывать суждение, что Ваши работы по физиологии сердца принадлежат к числу лучших. Это единодушное мнение, естественно, радует в высшей мере» (Архив РАН. Ф. 652. Оп. 3. Д. 84). Гамбургер был председателем IX Международного физиологического конгресса (Гронинген, 1913).

6 февраля 1922 г.

... В Голландии ты должен взять себя в руки и приложить все усилия к тому, чтобы быть приятным тем людям, которые оказали тебе столько внимания и любезности.

... Дочери Einthoven'a я выслал трио Шуберта из Берлина, а трио Аренского из Москвы. Не знаю, благополучно ли доехали эти два отправления.

3 декабря 1922 г.

... Весьма интересуюсь тем, как ты нашел все дома. Ведь ты уехал из Казани в марте месяце. Такого долгого отсутствия из Казани ты не проделывал за все время. И очень жду подробного описания того, что делается дома, в лаборатории, вообще в Университете и городе.

... Третьего дня мне дали для прочтения небольшую книжку Уэльса: «Россия во мгле». Много там довольно поверхностно, многое — неверно, и вместе с тем прочесть эту книжку — весьма занимательно. Он — умный человек, и ряд его замечаний отличаются и умом, и остроумием. Если мне удастся достать эту книгу, то я пришлю тебе ее. Уэльс был в России в 1919 г. С тех пор многое изменилось, и тем не менее все это интересно.

24 декабря 1922 г.

... Радуюсь за тебя, что ты имеешь так много литературы американской. Можно сказать, что в этом отношении наша изолированность теперь закончилась. У тебя же специально получается целая американская библиотека.

Как прошло у вас трио Мендельсона и Аренского? За твой теперешний приезд к нам ты очень мало играл. Можно сказать, что в нашем доме теперь никакой музыки не имеется.

А. Ф. САМОЙЛОВ

ПЕРВАЯ МОЯ ПОЕЗДКА В АМЕРИКУ 1922 г. Пароход «Noordam»

Вторник.
Пароход «Noordam»
1922, VI, 27

Дорогая моя!

Решил писать дневник своего путешествия в Элизабет²². Стесняет и расхолаживает мысль о том, что в лучшем случае этот дневник попадет в твои руки лишь через 1/2 месяца, но... что же делать.

²² [Элизабет — небольшой городок вблизи Нью-Йорка, где жили родственники жены А. Ф. Самойлова.]

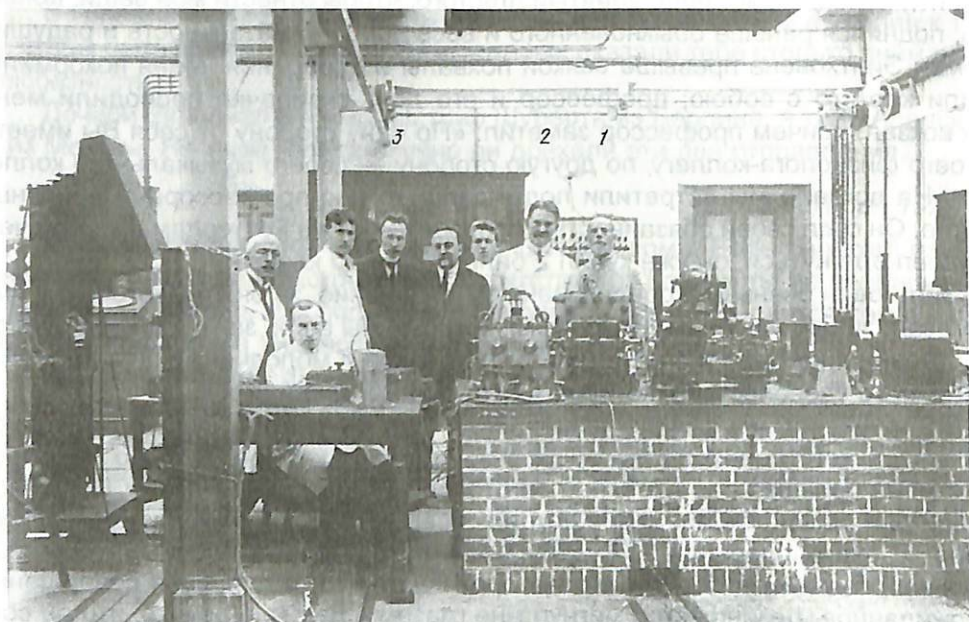
Я начал свой день сегодня сравнительно рано, ибо в 9 ч. утра должен был прийти человек с вокзала, нанятый для того, чтобы отнести мои вещи. Конечно, поднялся раньше обыкновенного и весь дом. Внимательность и радушие семьи Эйнтховена превыше всякой похвалы и одобрения. Меня покормили, дали кое-что с собою; профессор и его дочь-скрипачка проводили меня на вокзал, причем профессор заметил: «По одну сторону от себя Вы имеете своего физиолога-коллегю, по другую сторону — своего музыкального коллегу». На вокзале мы встретили поджидавшего нас профессора-американца Вурне. Он счел своей обязанностью проводить меня в Роттердам. Прежде чем я успел оглянуться, он уже купил 2 билета второго класса.

Эйнтховен очень благодарил меня за посещение, за опыты, которые я ему показал, за беседы на научные темы, которые мы вели, за то веселое бурное настроение, которое я внес в их дом (вот какой я молодчина); дочь благодарила за то удовольствие, которое я доставил ей своей игрою.

В 9 ч. 40 мин. мы с Вурне уехали. Я не буду описывать, как мы добрались до маленького парохода, который везет дальше к бюро. В бюро началась для меня большая работа. Мне приготовили великолепную ванну. Вещи мои взяли для дезинфекции. Дезинфекция совершается при помощи перегретого пара. Я очень опасался за судьбу моих фотографий и просил, чтобы мой большой багаж освободили. Но тут произошло что-то для меня совершенно неожиданное. Дезинфектор мигнул мне глазом и дал мне понять, что он совсем не будет дезинфицировать... Конечно, я дал ему мзду. Начальник ванного отделения тоже дал мне очень определенно, хотя и весьма конспиративно, понять, что, собственно, пока я беру ванну, он обязан дезинфицировать мои вещи, но он в уважение ко мне этого не сделает. Мне дали карточку, что и вымыт, и дезинфицирован, и еще каким-то способом аппретирован. Вот тебе и культурное содержание всех мероприятий, о которых я вчера еще так серьезно и почтительно распространялся в своем письме.

Пока я проделывал все эти глупости, проф. Вурне нашел стюартов (лакеев) с парохода и объяснил им, что я очень важный человек, ученый, и т. д., и т. д., что им надлежит оказывать мне все опеки. Наконец все формальности были исчерпаны. Я и Вурне сделались свободными вплоть до 8 ч. вечера, когда объявлен был сбор пассажиров. Мы уехали на пароходе опять в Роттердам, и так как было уже около 1 ч. дня, то решено было закусить.

Проф. Вурне, занимающийся у Эйнтховена, специалист по нервным болезням в Нью-Йорке, человек, по-видимому, весьма состоятельный. Меня он, не знаю за что, полюбил сразу, как увидел: просто, можно сказать, влюбился. История моего путешествия в Элизабет, и вся моя история, его почему-то весьма сильно тронула; он увидел в ней большую *moral power*. Он повел меня в какой-то очень приличный ресторан и угостил таким обедом, что мне и теперь стыдно вспоминать об этом. Обедали мы чуть ли не до 4 часов. Конечно, вели длительные, спокойные беседы на самые разнообразные темы, я давал себе честный труд сделать все возможное из тех нескольких десятков слов, которыми я владею. Привожу по этому поводу рассказ Эйнтховена, как однажды приехал к нему в Лейден заниматься один англичанин. После нескольких дней пребывания его в лаборатории Эйнтховен спросил, удастся ли



1- Н. Эйнтховен 2- Prof. Бёрне (американец) 3- Prof. Штурм фон Лувен.

Профессора В. Эйнтховен (первый справа), Бёрн (второй справа), А. Ф. Самойлов (четвертый справа) и Штурм фон Лувен (пятый справа) в лаборатории Эйнтховена. Лейден, 1922 г. Публикуется впервые

ему объясняться с лабораторными служителями, на что англичанин ответил: «О, отлично, ведь я разговариваю с ними по-голландски, и они меня очень хорошо понимают». Эйнтховен успокоился и через несколько дней спросил одного из служителей, как он объясняется с англичанином. На это служитель с самодовольным видом ответил: «О, отлично, ведь я разговариваю с ним по-английски, и он меня очень хорошо понимает».

После обеда мы пошли с моим «возлюбленным» шататься по Роттердаму. Ходили, как ходят люди после обильного обеда, медленно, лениво, — до парохода еще долго. Думали, думали и решили... уехать в другой город. Поехали по электрической дороге в Гаагу. А зачем поехали — и сами не знали. В Гааге нам понравилось. Пошли в самый лучший кафе, на самой оживленной улице. В кафе было большой величины окно. Видна была вся уличная жизнь. В кафе была фешенебельная публика. Играл небольшой оркестрик, и играл незамысловатые вещи довольно недурно. Мы взяли оба по чашечке кофе. Я пил кофе и думал свою думу. Вероятно, и американец задумался, ибо совершенно неожиданно для меня он вздохнул и сказал: «Life is very стрейнч» (боюсь написать это слово по-английски неверно).

В 8 час. мы были уже на пристани около парохода. До того, как меня впустили на пароход, были еще кое-какие формальности невинного характера,

и, наконец, я вступил на пароход. Американец пошел вместе со мною в каюту, куда внесли мои вещи, дружески простился со мною и ушел: голландский мой период закончился и начался новый, океанский. Я после опишу пароход, пассажиров и т.д. Все мои думы сосредоточены на тех, кого я так далеко оставил, и на тех, к кому я неизменно приближаюсь. Я вошел в большой зал обеденный, он был почти пуст, я выбрал себе посветлее местечко, вынул тетрадку и записал весь проведенный день. Скоро пойду спать. В 3 ч. утра пароход снимется, и когда я утром встану, то я буду уже далеко и от России, и от милой Голландии.

1922, VI, 28

Я пошел в свою каюту. Моя каюта очень уютна, чиста. Она рассчитана на 4 места, два внизу, два сверху. Заняты, однако, только два нижних места; одно занято мною, а другое кем-то, кто уже спал, когда я вошел. Легонькие ширмочки совершенно закрывают спящего, так что я не мог понять, с кем меня судьба соединила на 10 дней в этом маленьком помещении. Когда я раздвинул занавеску своей постели, то увидел на одеяле письмо, адресованное на мое имя. Меня это очень удивило. Я вскрыл конверт, на котором был весьма замысловатый адрес: письмо было адресовано проф. Самойлову на пароход *Noordam*. Оказалось, что письмо это было от дяди Вильяма. Этот дядя был ко мне в Берлине весьма внимателен и любезен. Между прочим, он проводил меня там на вокзал, когда я уезжал в Голландию, и преподнес мне на вокзале коробку конфет, которая, я тут же вспомнил, еще и до сих пор лежит у меня в чемодане ²³. Письмо было написано очень вычурно, но несомненно очень благожелательно, что я и поставил этому дяде в счет.

Я разделся и лег в чистенькую постель. Я чувствовал себя усталым, но заснул нескоро: не то разные думы, не то необычная обстановка. Проснулся я около 2 часов ночи. В каюте яркое электрическое освещение. Я отодвинул свою занавеску и увидел, что мой компаньон, оказавшийся мальчиком лет 13, одевается. В течении ночи он еще несколько раз для чего-то одевался и опять ложился. Около 4 часов утра пароход начал обнаруживать движение, сначала робко, а потом чрезвычайно энергично. Тихий дотоле пароход превратился в чудовище, которое ревело, стучало, гремело, так что временами становилось страшно. Я сожалел, что не вышел посмотреть, что тут происходило. Но мало-помалу все утихомирилось, начал понемногу определяться какой-то ровный ритмичный шум, свидетельствовавший о взятом ровном курсе движения. Но все же спать как следует не удалось. Мальчику было, по-видимому, не по себе. Я попытался поговорить с ним. Но оказалось, что он не говорит ни на одном человеческом языке; кроме того, было ясно, что ему не хочется разговаривать. К 8 часам кто-то прошелся с весьма голосистым звонком; это было, конечно, приглашение к утреннему завтраку. Какие-то женские голоса постучали к нам, и послышалась совершенно ничего не говорящая мне речь. Я понял только, что моего компаньона называли странным именем Юшко.

²³ Когда выяснилось, что я уезжаю в Элизабет, то я написал ему об этом из Голландии в Берлин.

Позавтракали. Как водится, завтрак был чересчур обильный. Я вышел на палубу... и ахнул. Земли не было видно. Кругом прекрасная, зеленая, пеннистая вода и громадные, могучие, сумасшедшие волны. Я почувствовал уважение к нашему чудовищу, к этому океанскому колоссу, который шутя принимал эти бешеные волны и без всякого смущения шел ровным, спокойным ходом. Я прошелся по пароходу. Длина его — приблизительно как длина квартала в Казани. Но этот колосс отнюдь не принадлежит к самым большим пароходам. Его водоизмещение 12000 тонн; тоннаж некоторых теперешних пароходов доходит до 50000 тонн. Молодец человек, — умен он; жаль только, что он все еще, однако, и достаточно глуп.

Оказалось, что Юшко венгерец. Во время войны его родители покинули Венгрию и уехали в Америку. Юшко же остался в Венгрии, и теперь его везут какие-то две дамы к родителям. Дамы говорят плохо по-английски, но объяснить это мне сумели. Юшко, несомненно, нездоров, лежит в постели, не хочет есть. У меня появилось теплое чувство к Юшко. Бедный Юшко! Ведь у нас с тобой много общего. Судьба загнала в одну каюту океанского парохода двух людей не зря. Я еду к своим детям, а Юшко к родителям. Я пожелал оказать Юшке какое-нибудь внимание и при этом вспомнил про коробочку с конфетами дяди Вильяма. Я распаковал коробочку и дал одну конфету Юшке. Он с величайшим удовольствием съел. Я дал ему еще одну, он и вторую съел.

Эйнтховен дал мне книгу, новое сочинение Lewis'a²⁴ по электрокардиографии. Я решил позаняться, но читать толком не мог: хотелось спать, ибо я уже две ночи плохо спал. Юшко лежит и не желает вставать. Я решил пойти к доктору парохода. Очень симпатичный голландец, говорящий недурно и по-немецки, и по-английски, отнесся очень внимательно к моему рассказу об Юшке. Он сейчас же пошел в нашу каюту. Термометр показал, что у Юшко температура нормальная. В результате исследования был поставлен диагноз: Юшко страдает морской болезнью. Посмотрим дальше. Доктор разговорился со мною и проникся большим уважением. Он дал мне разные медицинские американские журналы последних месяцев. Я с величайшим интересом просмотрел их. Статьи, которые я там нашел, не поразили меня глубиной и научностью, но все же были статьи достойного ценза. Чувствуется буйная жизнь энергичного богатого народа. Я по этим журналам увидел, как много в Америке всевозможных институтов, больниц. Электрокардиография там, по-видимому, пустила корни.

Когда опять позвонили к столу, я привел себя в своей каюте в порядок и посмотрел на себя в зеркало (что я иногда люблю делать). Я увидел в зеркале... порядочного толстячка. Ведь меня кормят на убой. В Берлине и в Лейдене меня совсем закармливали. А если я проведу здесь еще 10 дней, то совсем разжирую.

²⁴ Lewis sir Thomas (1881–1945) — Томас Льюис, британский врач-кардиолог. Один из первых клинистов-ученых. Исследования посвящены регуляции кровообращения. Первым внедрил в больницы университетского колледжа в Лондоне метод электрокардиографии.

В «Дневнике» Самойлова речь идет о монографии Льюиса «Clinical Electrocardiography» (1918). В 1908 г. Льюис основал и издавал журнал «Heart».

1922, VI, 29, четверг

Прекрасно выспался. Никакой качки. Пароход идет ровно. В каюте ни холодно, ни жарко. Чисто. Юшко смотрит веселее. Сквозь кругленькое окно каюты видно синее небо. Приятно полежать еще в постели. Но все тот же злодей с голосистым звонком шатается уже по коридору, да еще останавливается у каждой каюты. Ничего не поделаешь: надо вставать. Все бодро и весело направляются в столовую. Очевидно, все, как и я, хорошо выспались. У всех светлые лица. Едят с аппетитом. Стюарты подают пищу молодцевато. Почему стюарт называется стюартом, не знаю. Но мне хочется думать, что это благородное название может примирить лакея с его печальной специальностью. Все стюарты у нас молодые. Так как все они голландцы, то они говорят на хорошем голландском языке, но все же любят больше говорить по-английски. Вообще весь голландский пароход американизирован, загримирован под американца, если так можно выразиться.

Каждый из пассажиров имеет за столом свое определенное место, салфетку с кольцом, на котором написан номер пассажира. Соседи у меня за столом поэтому всё те же. Это имеет хорошие и плохие стороны. Я очень рад, что я еду во втором классе и не на аристократическом пароходе. Все у нас так хорошо, так непритязательно, что с самого же начала все обходится без всяких стеснений. Никто не кичится ничем, никто не ломается. Человек, взявший билет во втором классе парохода, сразу выдает себя с головой: всем ясно, что у него не ахти как много денег. Это вносит много простоты в отношения.

Утренний прием пищи совершается сегодня быстро. Все спешат на палубу. Пошел и я. Жаль, что я не мастер описывать. Очень жаль. Сегодня есть что описать. Прекрасный солнечный день, безоблачное небо, чистый как стеклышко пароход-коLOSS, совершенно ровно, без качаний, колебаний быстро несется по водной стихии. Свежий, живительный воздух. Настроение у всех приподнятое. Несомненно, у большинства пассажиров заботы, свои горести. Но, очевидно, все понимают, и стар и млад, что теперь стоит бросить все и отжаться минуте приятного благополучия. Я люблю природу и умею ее чувствовать и наслаждаться ею, и я отдаюсь этому умению. Мне только жаль, что я один наслаждаюсь прекрасным океаном, а вы вот томитесь там, да еще и малярией страдаете. Возможно, что мы сделали ошибку, нужно было сделать все усилия и уехать всем вместе. Может быть, вся мудрость заключается именно в том, чтобы не быть излишне осторожным, нужно было сразу все решить. Но теперь уже поздно об этом думать.

Пассажиры наслаждаются чудным днем и доставляют себе все скромные удовольствия, какие возможно в их роли пассажиров на пароходе. Одни улеглись в кресла и греются на солнышке, другие, кто помоложе, устраивают игры. Одна игра привлекает к себе особенно много внимания. Она незамысловата, но, очевидно, приятна, ибо все участвующие в ней и зрители хохочут, визжат и т.д. Все дело только в том, что на площадке на полу устанавливается какой-то тяжелый пьедестал, к середине которого прикреплена вертикальная небольшая палочка. У каждого деревянное кольцо в руке, кольцо

бросают с таким расчетом, чтоб оно при падении нанизалось²⁵ на палку. Вот и все.

Вышел и Юшко на палубу, — зеленый-зеленый. Воздух на него хорошо подействовал. Сегодня ему еще было не по себе, но игра в кольцо и палочку его тоже заинтересовала. Он все больше и больше оживлялся, не выдержав, наконец поплелся к играющим и тоже взял кольцо и бросил. Венгерские дамы и я (насколько был в состоянии) приветствовали его.

Становилось все приятнее, теплее, не хотелось никуда уходить. Я взял свою книгу, улегся удобнее в деревянное кресло, которое зарегистрировано за мною. Приятный свежий морской воздух имеет, помимо прочего, и то свойство, что вызывает аппетит. Но милейшие стюарты ко всему морскому привыкли. Они хорошо знают, что у пассажиров на палубе разыгрывается желание поесть. Около часов 12 появляются стюарты в своих великолепных мундирчиках-смокингах. Появляются не с пустыми руками, а с большими подносами, а на подносах великолепные сэндвичи и т.п. прелести. Никто почти не отказывался, блюда пустели. На смену одним стюартам появлялись другие, опять-таки с подносами, на которых стояли чашки с бульоном. Разве не великолепно? Что же еще надо? Что же там в первом классе такое дают, если там берут в два раза дороже?

Настроение все росло. Но удивительно. Море не может быть совершенно покойным. Я сидел на кресле, читал и замечал, что борт парохода все же опускается и поднимается. Мне показалось даже, что как будто пароход не так спокоен, как вчера, когда погода была в сущности гораздо хуже. Но... все это пустяки. Все прекрасно. Как и у нас на Волге, вокруг парохода все время выют-ся чайки. Целым облаком они несутся, подлетают близко.

В 2 часа дня обедают. Все пошли бодро и весело в обеденный зал: очень большая комната, в которой могут обедать одновременно около 300 человек. Когда я поднялся к своему месту, то я почувствовал, что меня кто-то дергает за рукав. Это был Юшко. Между нами произошла немая сцена, ибо мы не умеем объясняться словами. Он дернул меня за рукав, чтобы порадовать меня, чтобы показать мне, что он тоже в столовой, что он обедает.

Обеденный зал находится больше на середине судна, а каюты второго класса на корме. Когда после обеда мы пошли в свои каюты, то все обратили внимание на то, что по дороге в наших коридорах покачивает. Я решил поспать немножко после обеда, чтобы доставить себе все удовольствия. Проснулся я около 4 часов и сразу понял, что пароход, наш колосс, качает. Пошел на палубу. Там народу не так много, как было утром, но все же много. На креслах много людей, но прежнего веселья нет. Однако многие еще веселы и бодры, но игры уже другие. Теперь уже игра заключается в том, может ли данный субъект пройти по одной доске или нет. Оказывается, что далеко не всем это удается.

Странное дело. Чистое небо, приятный теплый воздух. Ветра как будто нет, а пароход качает сильнее и сильнее. Некоторые лежат, покрытые пледами,

²⁵ Выражение не Бог знает как хорошо подобрано, но ясно, в чем дело.

зеленые. Дело скоро делается. Вот еще, кажется, девица просто не знала, что делать от веселья, а вот она уже дала дань океану. За нею последовали и другие. Только начало надо сделать, а там уже все идет само собою. Изысканная чистота палубы пострадала. Но не надолго. Сейчас же появился стюарт, совсем маленький стюартик, мальчик лет 15. В руках у него были щетка и лопатка. Очень умелым движением он привел в порядок палубу и бросил в море то, что должно принадлежать морю. Но у моря оказались конкуренты — чайки. Часть дани была отнята ими у моря. Маленький стюарт оказался очень опытным человеком. Он следил за пассажирами на палубе и определял довольно хорошо по их виду, кому принадлежит очередь оскорбить чистоту палубы: чуть что, и метла делала свое дело. Ну, а что же я? Представь себе — ничего! Что будет дальше, я не знаю. Но несомненно, что я не из первых. Я заметил, что развлечения, разговор, даже интенсивное размышление на какую-нибудь тему помогают. А к этому я привык. Я всегда имею о чем думать.

В 8 часов позвонили к ужину. Многих уже не было. Дам заметно меньше — все такой слабый пол. После ужина я остался в столовой и писал этот дневник, а к половине десятого пошел в свою каюту.

1922, VI, 30, пятница

Юшко лежал в постели. Я предложил ему конфету — он отрицательно покачал головой. Ночь я провел сравнительно недурно. Спал с перерывами каждый час-полтора. Качало весьма внушительно. Вот тебе и колосс! Жалкая щепка, а не колосс. Пароход качало во все стороны: и продольно, и поперечно, и косо. По разным признакам я мог судить, что очень многие больны. Я боялся подняться с постели утром, думая, что мне сделается плохо. Звонок к утреннему завтраку послышался только к 10 часам. Я решился встать: что будет, то будет. Умылся. Юшко на приглашение встать и умыться ответил мимикой решительно отрицательно. Дойти до столовой было трудно, нужно было ходить осмотрительно и все время держаться. В столовой оказались люди, к моему великому удовольствию; отсутствовало около 2/3. Выпил кофейку, съел булочку с маслом и голландским сыром, настроение поднялось.

1922, VII, 3, понедельник

Пропустил много дней. Виною этому погода. Взявшись писать дневник, я меньше всего думал, что придется описывать качку, а между тем это так. Настроение на Noordam'e становилось все хуже и хуже. Ветер крепчал, и наш колосс начало качать, как щепку. Он так качался, что винт выходил из воды и вращался в воздухе. Весь корпус парохода дрожал, все швы и скрепы скрипели. Отовсюду слышались из кают крики, вздохи и более явственные звуки морской болезни. Я на этот раз вышел сух из воды. Меня даже толком не тошнило. Но я должен был лежать в постели. Так я пролежал два дня и две ночи. Юшко тоже. Но ни меня, ни Юшко не рвало, так что у нас в каюте все было чисто. По звонку я выходил в столовую, но эти путешествия стоили мне невероятных усилий и напряжения.

Когда я лежал в постели, я прислушивался к тому, как качается пароход. Здесь можно сделать много наблюдений. Чрезвычайно тонко можно было оп-

ределять все наклоны, но поступательное движение парохода было неясно. Это очень нетрудно объяснить физиологически. Кроме того, я заметил, что пароход, сделав несколько сильных качаний своей продольной оси, затем успокаивается; после этого начинается второе большое качание и т.д. Объясняя я это так. Одна, другая волна приводит пароход в движение. После этого он начинает качаться с собственным ритмом. Но этот ритм не соответствует ритму следующих друг за другом волн, вследствие чего колебания парохода успокаиваются, таким образом последующие волны уничтожают работу предыдущих волн, и затем эта игра продолжается сызнова. Но я не долго следил за качкой на пароходе, лежа в постели. Я довольно скоро засыпал. Но сон этот был нехороший. Я часто просыпался, а кроме того, это не был настоящий сон, это была какая-то дремота.

Вчера утром было уже совершенно ясно, что пароход качается слабее. Когда я встал на ноги, то я чувствовал себя, как после тяжелой болезни. Я умылся как следует и вышел в столовую. Все были зеленые, пострадавшие, но у всех была надежда, что сегодняшний день пройдет лучше. Так в самом деле и было. Ветер был еще сильный, но все стали пристраиваться на палубе. Показалось солнышко. Пароход, покачиваясь, бодро несется вперед. Чаек, конечно, больше уже нет. Они долго несутся за уходящим от земли пароходом и провожают его миль на 500, а затем они пристраиваются к какому-нибудь встречному пароходу и вместе с ним возвращаются назад.

Я присмотрелся к своим спутникам. Их можно разделить на несколько групп. Одна группа — это американцы: купцы, бизнесмены, каким хочет сделаться Аля. Это люди, чувствующие себя хорошо, определенно. Они знают, для чего они едут и для чего они еще много раз будут ездить. Вторая группа — это люди, которые пустились в первый раз в Америку искать счастья. У этих людей большею частью нехорошо, беспокойно на душе, хотя иногда они прикидываются очень бодрыми. Они, конечно, не знают, что их ждет; кроме того, как ни настраивай себя, горечь разлуки с близкими имеется у каждого из них. Они очень легко и скоро начинают излагать свою биографию, и люди первой категории являются для них большими авторитетами. Не раз я был свидетелем, как слово ободрения со стороны лиц первой группы было для них истинным бальзамом. Третья группа — это пассажиры, которые едут в Америку поглядеть родных или возвращаются в Америку после свидания с родными в Европе. К этой группе принадлежу и я, грешный.

Я беседовал недавно с одной дамой третьей группы. Восемнадцати лет она из Германии переехала в Америку. Она говорит уже плохо по-немецки. Теперь она гостила в Европе, чтобы повидаться с родными, в особенности с сестрою. Когда я рассказал ей, зачем я еду в Америку, то она с грустью посмотрела на меня и сказала: «Я не хотела бы быть на Вашем месте». Я удивился. Старуха объяснила мне, что встретиться с детьми, конечно, приятно, но затем... ведь нужно расстаться, а расставание тяжело. Противная старуха. Она попала в самое мое больное место. Я и без нее нес эту тяжесть в себе. Еще в Казани, когда осенью получено было письмо из Лейдена, а вместе с письмом надежда увидеть детей в Америке, я уже тогда мучился, что придется ведь после свидания расстаться. Ах, противная старуха.

Большую часть дня я провел на палубе, на кресле около молодой четы американизированных немцев (из первой группы). Это люди, довольные собою. Он по парфюмерной части, и дела его идут хорошо. Он был мне полезен очень многими разглашениями относительно жизни в Нью-Йорке. Он сам живет на расстоянии 35 минут езды от Нью-Йорка и каждый день делает путь по железной дороге в Нью-Йорк и обратно. Мадам его очень похожа на М-те Кефер²⁶ и лицом, и умом. Оба они очень ограниченных знаний, развития, весьма мало интересны в качестве постоянных знакомых, но как материал для наблюдения они представляют некоторый интерес. Я для них тоже представляю, по-видимому, интерес, ибо они не отстают от меня и оказывают мне всяческие знаки внимания. С другой стороны, им и лестно, что я провожу с ними много времени. Все-таки кличка профессора — удобная вещь, она мне и на пароходе полезна.

Теперь 12 часов уже, а мои часы показывают уже 4 часа с минутами. Это проверка часов стала обнаруживаться уже на второй день путешествия. Я не хотел переводить стрелку своих часов каждый день назад и оставил ее без всякого изменения. Когда приеду в Нью-Йорк, переведу ее сразу туда, куда надлежит. Разговоры о часах, о стрелке, о переводе часов — это одна из частых тем для разговоров пассажиров. Наш пароход снабжен радиостанцией и находится в связи со всеми пароходами, находящимися в данное время в Атлантическом океане. Каждый день вывешиваются написанные на машинке телеграммы о важнейших событиях. Телеграммы очень содержательны. Я узнал, например, о том, что убийцы [...] пойманы, что они приговорены к смертной казни, что Эрцбергер бежал из Берлина и т.д. Словом, самые настоящие телеграммы. На той же стене вывешиваются сведения о ходе нашего парохода. Это делается очень хорошо. Выставлена очень наглядная карта. Я, в сущности, теперь в первый раз дал себе отчет, почему говорят «Holland-American Line», «Hamburg-American Line». Каждая компания в действительности имеет свою линию. На вывешенной карте представлена Роттердам-Нью-Йоркская линия, по которой идет наш пароход. Каждый день в 12 часов дня делается определение широты и долготы места, где находится пароход, и на карту наносится кружок. Я вижу по карте, что мы уже прошли больше половины нашего пути. Линия, по которой мы с сегодняшнего дня поплывем, сильно уклоняется к югу, мы входим в более теплые области. Кроме того, мы вступаем теперь в область теплого течения Гольфстрим и скоро начнем ощущать тепло.

Я, кажется, уже писал, что при участии г-жи Гамбургер я приобрел себе в Гронингене великолепную вязаную жилетку. Г-жа Гамбургер даже саморучно закрепила все пуговицы на жилетке; жилетка принесла мне большую пользу во время пути по холодной зоне; теперь ее нужно будет спрятать.

Юшко привык наконец к морскому житью. Чувствует себя хорошо. Гоняет с другими мальчиками по палубе, ест за столом со всеми. Ко мне он относится с величайшей нежностью и в каюте оказывает всевозможные услуги. Очень хороший компаньон по каюте.

Вторая половина дня сегодня была дождлива. Я начинаю понимать, в чем

²⁶ [Жена друга А.Ф., с которым он учился в университете.]

секрет первого класса на пароходе: все дело в том, что в первом классе больше простору, больше места, больше комфорта именно в этом отношении. У нас, например, имеется небольшая курительная комната и небольшая дамская комната. В дождь здесь собирается вся публика, и становится душно. Но половина пути сделана. Остается еще только 5 дней пути.

1922, VII, 4, вторник

Тепло начало давать о себе знать уже ночью. В каюте было душно спать, Юшко рано утром вскочил и открыл дверь в коридор. День обещает быть великолепным. Качания парохода самые ничтожные. Чистое небо. Теплое яркое солнце. Мы находимся на широте Испании. Когда я вышел после утреннего завтрака на палубу, я не мог не восторгаться: картина грандиозна. Но я должен сознаться, что эта именно грандиозность представляется для меня лично, в силу моих индивидуальных качеств, элементом отрицательным. Эта грандиозность подавляет меня — даже больше, она утомляет меня, она требует от меня излишне большого расхода сил. Ветер даже в «тихую» погоду так силен, что он сметает меня. Качание парохода, даже незаметное, не дает мне возможности ходить по палубе. Всюду, и везде, и во всем я чувствую подавляющую меня мощность.

Прекрасна сегодня вода океана. Я долго, внимательно и добросовестно всматривался в цвет этой воды. Какое великое разнообразие тонов и оттенков. Вся половина цветов спектра с короткими волнами представлена во всех степенях насыщения вплоть до ослепительно белой мелкопузырчатой пены. Конечно, я не в состоянии передать этой красоты словами. Я думаю, что ее и красками передать очень трудно. Мне кажется, что передать красками морскую воду не менее трудно, чем передать цвет человеческой кожи. Как и в последнем случае, в общем феномене участвуют и самый цвет, и рефлекс со стороны поверхности кожи с замысловато сконструированной поверхностью, просвечивание поверхностного слоя и т.д., и т.д.; так и в данном случае роль играют и просвечивание, и отражательная способность волнующейся поверхности, и т.д. Но не могу скрыть, что я не в состоянии любоваться и вникать в этот феномен поразительной красоты, ибо мощность проявляющей себя природы слишком подавляет меня. С преклонением к величию душевных сил и мужеству вспоминаю я Колумба, который по этим же волнам неслись несколько сот лет тому назад при самых неблагоприятных условиях, в сущности неизвестно куда. Дело Колумба, по-моему, мало восхваляется. Слишком мы привыкли к рассказу об открытии Америки и перестали проникаться величием и красотой этого единственного в своем роде эпизода.

Сегодня 4 июля, для американцев великий день — день провозглашения независимости Америки. Уже вчера говорили об этом дне. Настоящих американцев, коренных, я на нашем пароходе не вижу. Большею частью это люди, сделавшиеся еще сравнительно недавно американцами. Все голландцы, едущие со мною, это американцы, которые еще чувствуют связь с Голландией, но это не надолго. Второе поколение уже будет только знать свое европейское происхождение, а там дальше все забыто, и перед нами будет уже настоящий американец.

За соседним с нами столом в обеденном зале сидит голландец с женой и ребенком, мальчиком около 3 лет. Мальчик этот доставляет им много радостей, но и много хлопот. Во время обеда ему ничего не стоит поднять страшный рев и тем привести родителей в смущение. Но наша публика относится к таким эпизодам весьма либерально, и все сходит хорошо. В сущности, это очень хороший мальчик, и его любит весь пароход. Сегодня утром мальчик ходил с маленьким американским флажком по палубе. Мальчик ударил меня даже этим флажком, когда я, ничего дурного не думая, сидел на палубе на кресле и писал этот дневник. Все мы засмеялись. Отец взял мальчика за руку, подвел ко мне и потребовал, чтобы он извинился перед джентльменом и подал мне руку для примирения. После этого голландец торжественно маршировал с мальчиком по палубе и с большим энтузиазмом и сильным патриотическим чувством провозглашал хвалу и славу дорогой Америке. Мальчик, помахивая флажком, повторял слова отца. Не могу скрыть — это было трогательно.

Я бросил писать и долго думал об Америке. Великую роль выполняет эта страна. Все обиженные, оскорбленные, все потерпевшие материальное или духовное крушение, все согрешившие и желающие начать новую жизнь — все направляются в эту страну. Она принимает их осторожно. Она требует от приехавших искуса, но затем искренно и честно, равноправно принимает их к себе; они становятся гражданами, обретают новое отечество и искренно любят это отечество, провозглашают ему любовь и славу и передают эти чувства своим детям. Кто только ни приезжает в Америку, все в ней находят в той или иной степени то, что искали. Вся эта разнообразная масса нивелируется, американизируется. К числу обиженных, преследуемых принадлежат и два молодых зингеровских рабочих, и я искренно присоединился в душе к салюту голландца, шествующего со своим сынишкой, размахивающим флажком.

Обед сегодня был торжественный. Все блюда были приурочены к событиям и именам великой республики. Так, например, суп был назван супом Христофора Колумба. Я отдал должное великому мореплавателю. Мясо было в честь Вашингтона; я отнесся и к мясу внимательно. Равным образом я счел своею обязанностью быть благосклонным к пирожному «Liberty».

1922, VII, 6, четверг

Вчера был прекрасный день. Совершенно безоблачное небо, синий океан. Все наслаждались прекрасным днем, кто как умел. Единственная беда — это жара. Тропическая жара. Но, к счастью, сегодня не влажная жара, а сухая.

Пароход требует ежедневной, неприметной, тщательной чистки. Его, в сущности, непрерывно чистят. Куда ни посмотришь, всюду увидишь стюарта с тряпкой, натирающего соответствующей мазью ту или иную часть парохода — окно, лестницу, дощечку с какою-нибудь надписью; другие моют, скоблят палубу; тот чистит ковры и коврики и т.д. и т.д. Нужно к этому прибавить, что голландец, в особенности молодой, не может работать без того, чтобы не напевать что-нибудь или, еще чаще, не насвистывать. Поэтому, если пассажиры не шумят, сидят тихо, то весь пароход, можно сказать, становится свистящим оркестром. Этот свист иногда надоедает, а иногда бывает очень приятен, и именно при особенных обстоятельствах. Встанешь, например, ут-

ром — пароход качает и туда и сюда, все ревет, дрожит, скрипит. Думаешь, в порядке ли все, не приключилось ли на пароходе что-нибудь неладное. Лежишь и стараешься по звукам в коридоре судить, все ли в порядке. Вдруг раздается свист, самый разлюбезный. Свистят они самые простые вещицы; я думаю, что это танцевальные мелодии модных танцев или мотивы из опереток.

Публика наша простенькая. Чего-нибудь интересного услышать нельзя. Вчера в жару все возлежали в креслах и предавались кейфу. Понемногу все начинают вспоминать о приближающемся приезде к месту назначения, и среди кейфа видно, как супруги озабоченно о чем-то беседуют. Вдруг — тревога! Что-то видно в море. Все вскакивают. Парусное судно, которое все ближе и ближе к нам. Вот мы и прошли мимо него. Прекрасное большое судно о четырех мачтах. Паруса распушены, надуты, и судно, можно сказать, несется. Так, может быть, в свое время и Христ. Колумб носился по океану на парусах.

Вечер был тоже прекрасный. Чудная звездная и лунная ночь. Тепло. Жалко уходить спать. Я давно уже говорил стюарту, убирающему каюту, что следует открыть в каюте окно, но он объяснил мне, что погода неустойчивая и поэтому не следует открывать окно. Когда я вчера пошел спать, то нашел в каюте окно открытым. Я подумал немного о том, закрыть его на ночь или нет, и решил оставить открытым. В часу третьем ночи я почувствовал, что в постели моей... сделалось... мокро. Я вскочил и сразу понял всю ситуацию. Ничего не поделаешь. Пришлось не только закрывать окно, но еще и вычерпывать воду из-под подоконника, имеющего вид корыта и наполненного водой. Пришлось поработать. Оказалось, что погода все еще неустойчива, и теплая, прекрасная звездная ночь сменилась дождем. Вода потекла с палубы по борту парохода и пробралась через окно в мою постель. Юшко спит по другую сторону от окна, и поэтому о ночном происшествии он ничего не знал. Когда я утром, еще лежа в постели, объяснил ему мимикой происшедшее, то он хохотал, как сумасшедший. Вообще он выздоровел. Сегодня утром качало изрядно, но когда раздался звонок, то он зааплодировал и побежал завтракать. Когда после завтрака мой стюарт встретил меня в коридоре, — он уже успел побывать в моей каюте и оценить размер наводнения, — он хохотал и показывал другим стюартам, как я ночью плавал.

День, начавшийся с качки, опять протекает приятно. Опять солнце. Мы находимся уже в американских водах, между Нью-Фаундлендом и Азорскими островами. Все больше и больше чувствуется приближение конца путешествия. Сегодня требовали заполнить анкету таможенного характера. Сегодня четверг. В субботу мы будем в Нью-Йорке.

1922, VII, 8, суббота

Сегодня мы должны уже быть в Нью-Йорке. Все готовят, укладывают свои вещи, переодеваются и т.д. Но увы, становится совершенно очевидно, что мы придем в гавань позже 6 ч. вечера, и вследствие этого в город нас не выпустят. Все погоревали по этому поводу, но когда это стало совершенно определенно, то все скоро примирились с этим. В часов 5 вечера мы впервые за 10 дней опять увидели землю. Радость была большая. Нужно признать, что очертания земли были не очень ясны. Многие, может быть, и не



А. А. и А. Ф. Самойловы с дочерьми Анной (в центре) и Верой. Начало 20-х гг. Публикуется впервые

видели ничего, но радовались, очень уж хотелось видеть землю. В порядке справедливости должен свидетельствовать, что независимо друг от друга разные лица вспоминали при этом Колумба, его команду и крик ее: «Земля, земля!». Все стояли и смотрели внимательно в ту сторону, куда направлялся пароход. После 6 часов вечера ясно выделился свет маяка. Свет становился ярче. Потом пошел один маяк за другим. Стали появляться пароходы. К нам подъехал катер. Из него к нам переправился лоцман. Мы вступили в явный контакт с землею. Мы в сущности уже приехали.

Я представляю себе эту мощную, безграничную водную площадь — океан. Изю дня в день в течение веков живет эта своеобразная стихия своею собственной жизнью. Истинная жизнь течет только в море, в самой воде, а вне воды нет живых существ. И день и ночь на безграничном просторе гудит и несутся ветер, вздымаются волны; с шумом и воем они поднимаются, падают, разрываются и распыливаются в мельчайшую пыль. И в этой безумной, мощной, грозной стихии появляется маленький червячок. Выходит он из Европы, тянется по намеченному пути этот червячок и через 10 дней достигает берега Америки. В этом червячке сидят люди, или, лучше, кучка людей, собравшихся из разных мест земли. Завтра эта кучка людей ступит на землю и разойдется в разные стороны, чтобы больше не встречаться. Да, «life is strange», как сказал мой новый приятель профессор Вурге.

На этом я кончаю дневник, дальше пойдут письма.

А.С.